

ИСТОРИИ ОЧЕВИДЦЕВ

ВОЙНА И ВЕРА

Война и вера

Фонд «Традиция»

2019

УДК 821.161.1-332.2(082)
ББК 84(2=411.2)6-44я43

Война и вера / Фонд «Традиция», 2019

ISBN 978-5-00152-030-6

Книга «Война и вера» — это сборник потрясающих реальных историй, рассказанных воинами и мирными людьми, жизнь которых на войне спасли по их вере и молитве (часто неискusной, но идущей из глубины души) Пресвятая Богородица, святые и сила Креста Христова. Лейтмотивом через все повествование проходит призыв не бояться убивающих тело (см. Мф. 10, 28; Лк. 12, 4), но побеждать их верой в любовь и силу правды Божией.

УДК 821.161.1-332.2(082)
ББК 84(2=411.2)6-44я43

ISBN 978-5-00152-030-6

, 2019

© Фонд «Традиция», 2019

Содержание

Предисловие	6
Часть 1. Оружие непобедимое	7
«Рус, ты крестишься?!»	7
Нательный крестик	8
Оружие непобедимое	9
Подрыв	11
«Господь подсказал: убери солдат...»	14
Сталинградское Евангелие старец пронес через всю жизнь	15
Случай с неверующим солдатом	18
Война и мир «Чукчи-снайпера». Как майор Кравченко стал священнослужителем	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Т. Ю. Рарова Война и вера

© Фонд «Традиция», 2019

* * *

Предисловие

На войне человек вступает в бой со злом за свою жизнь и жизни ближних. Каким оружием победить его? Апостол Павел в Послании к Ефессянам отвечает: «Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских, потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных. Для сего примите всеоружие Божие, дабы вы могли противостать в день злой и, все преодолев, устоять. Итак станьте, препоясав чресла ваши истиною и облекшись в броню праведности, и обув ноги в готовность благовествовать мир; а паче всего возьмите щит веры, которым сможете угасить все раскаленные стрелы лукавого; и шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть Слово Божие» (Еф. 6, 11–17). Свидетельство истинности этих слов – реальные истории, собранные в этой книге.

В первую часть сборника вошли рассказы о силе Креста и Слова Божия, действием которой человек становится недостижимым для зла. Истории из второй части – исполнившаяся заповедь Спасителя «просите, и дано будет вам» (Лк. 11, 9). Тон третьей части – торжество Божия правого суда во времена гонений на верующих в Него. Четвертая часть – одна из самых объемных в сборнике. Из вошедших в нее повествований соткан образ невыразимо милосердной и близкой к русским воинам Божией Матери – нашей Путеводительницы к победе. Название пятой части «Горящая лампада» свидетельствует о неугасающей вере и победоносной молитве русских людей – духовенства и мирян, отражающей шквал снарядов и неуязвимой под взрывами гранат. В шестой части собраны рассказы солдат, жизнь которым на войне спасли святые Божии угодники, ставшие для них самыми близкими людьми. Седьмая часть под названием «Гос поди! Прими душу мою!» содержит истории о людях, отвергавших Бога, но Его милостью в конце жизни призванных Им к покаянию для вечного соединения с Ним. Завершает сборник восьмая часть, в которой собраны повествования людей, свидетельствующих о том, что вера – неразрушимый покров Божий, Его Пречистой Матери и святых над нами и что не нужно бояться убивающих тело.

Когда идет война, человек по немощи может принять за правду иллюзию о торжестве смерти и зла. Но собранные в этой книге реальные истории развенчивают это дьявольское наваждение и утверждают евангельскую правду о том, что «Свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин. 1, 5).

Часть 1. Оружие непобедимое

«Рус, ты крестишься?!»

В 1921 году в коммунальной квартире жили батюшка и... чекист. Он вызывал «на допрос» богатых людей и забирал у них ценности. Как-то батюшка сказал ему: «Если будешь так делать, то через 20 лет Бог тебя накажет». Он, конечно, не послушал батюшку, но и не предал.

Прошло 20 лет. Наступил 1941 год. Того чекиста-коммуниста сразу отправляют на фронт, и он в первые дни войны попадает в плен. «О, коммунист!» – и дают ему немцы лопату и конвоира с ружьем: «Веди его, убей!» Фашист приказывает: «Рой себе могилу!» И вдруг этот коммунист вспомнил: «Через 20 лет Бог тебя накажет». И он заплакал в первый раз в жизни и впервые за всю свою жизнь перекрестился. Немец удивился: «Рус, ты крестишься?! Пошел вон!» – и выстрелил в воздух.

И когда этот бывший чекист вернулся из плена, то разыскал жену и дочь батюшки (самого его уже не было в живых) и рассказал им обо всем. Сдал партийный билет, стал верующим человеком.

Источник: Чудеса на дорогах войны: Сб. М.: Сибирская Благовонница, 2010.

Нательный крестик

Во время войны немцы вели на расстрел группу военнопленных. Палачи заставили русских солдат выкопать себе могилу. Когда яма была готова, один солдат, вылезая из нее, наклонился, и нательный крест на веревочке выскочил из-за пазухи. Немецкий офицер, увидев крест, сказал что-то конвою, и те отвели солдата в сторону. Всех товарищей его расстреляли, а он попал в конц лагерь, но остался жив и вернулся после войны домой.

Источник: Чудеса в годы войны. Ч. 2: [Электронный ресурс] // Pravmir.ru. URL: <https://www.pravmir.ru/chudesa-v-gody-vojny-chast-2/>. (Дата обращения 16.05.2019).

Оружие непобедимое

Ивана Михайловича Воронова (1914–1975), будущего архимандрита Алипия, на фронт призвали 21 февраля 1942 года. Он прошел путь от Москвы до Берлина. Бог хранил будущего архимандрита: он не получил ни одного ранения или контузии.

Став наместником Псково-Печерского монастыря, архимандрит Алипий в своих проповедях неоднократно обращался к теме Великой Отечественной. Сохранились записи одной из его проповедей.

«Это было в наше время, в 1941 году, в годы Великой Отечественной войны. В деревне недалеко от Сергиева Посада жила благочестивая семья. Сын – Сергей окончил десять классов и размышлял, куда пойти дальше учиться. Но в июне началась война, и его призвали в армию. Мать, провожая Сергея на фронт, благословила его крестиком и сказала: "Смотри, сынок, не снимай крестика с себя, он тебя спасет от смерти", – перекрестила, и сын уехал. Повезли ребят на фронт не подготовленных, и в первом же бою все, кого не убили, попали в плен. Среди пленников оказался и Сережа.

Выстроили солдатиков и приказали: "Командиры и коммунисты, два шага вперед из строя!" Никто не вышел. Тогда скомандовали: "Каждый второй – два шага вперед!" Среди вторых первым оказался Сережа. К нему первому и подошел немецкий офицер и рванул гимнастерку. Пуговицы оторвались, выпал крестик. Немецкий офицер ошеломленно посмотрел и начал у всех вторых таким же образом расстегивать гимнастерки. Но ни у кого крестика больше не оказалось. Он и говорит Сереже: "Ты есть христианин, а они есть коммунисты?" Юноша отвечает на это: "Я уверен, что ты не коммунист, но на тебе ведь тоже нет креста". – "О, да!" – ответил немец. Никого на этот раз не расстреляли, всех увезли в лагерь.

В лагере военнопленных почти не кормили, а кто уже не вставал от голода, отвозили в место, называемое "Долиною смерти". Туда при наступлении темноты приходил палач и добивал едва живых людей.

Однажды в барак прибыло пополнение, привезли новых русских военнопленных. Вошли они в барак и стали расспрашивать, кто откуда, разыскивая земляков. Один пожилой военнопленный спрашивал, есть ли москвичи. Сережа отозвался и сказал, что он живет в селе недалеко от Сергиева Посада. Обрадовался вновь прибывший и спросил: "А чей же ты будешь? И я оттуда же". Сережа ответил, кто его родители. Человек радостно сказал: "Я ведь с твоим отцом в Гражданскую воевал. А знаешь ли ты, какой сегодня день? Ведь сегодня память преподобного Сергия Радонежского. Значит, мы с тобой, Сережа, сегодня именинники. А у меня и угощение есть", – и вынул из кармана три сырых свеклы. Разрезал – по ломтику на всех.

После этой сырой свеклы у Сережи открылся понос, и он скоро совсем слег. Через несколько дней его отнесли в "Долину смерти". Впоследствии Сергей так рассказывал об этом: "Лежу и гляжу в небо. Нет у меня ни страха смерти, ни жалости к себе: я будто живой труп – настолько мне все безразлично. Вдруг подходит мужчина, поляк. Подошел молча. Я смотрю на него. Он, как и когда-то немец, рванул ворот гимнастерки, и на его руку выпал крестик. Он даже руку отдернул, а другую, занесенную с ножом, опустил. Постоял, подумал и молча ушел.

Когда совсем стемнело, пришел он со своей женой, положили меня на какое-то полотно и потащили. Притащили к себе домой и три месяца выхаживали, как своего сына. Когда я совсем окреп, меня перевели через линию фронта, к русским. И вновь я попал на передовую. Когда война закончилась, пришел к Тому, Кто меня провел живым через все фронтовые дороги и опасности...»

Отец Алипий очень часто вспоминал о Великой Отечественной войне: «Война была настолько страшной, что я дал слово Богу, что если в этой страшной битве выживу, то обязательно уйду в монастырь.

... Представьте себе: идет жестокий бой, на нашу передовую лезут, сминая все на своем пути, немецкие танки, и вот в этом кромешном аду я вдруг вижу, как наш батальонный комиссар сорвал с головы каску, рухнул на колени и стал... молиться Богу. Да-да, плача, он бормотал полузабытые с детства слова молитвы, прося у Всевышнего, которого он еще вчера третировал, пощады и спасения.

И понял я тогда: у каждого человека в душе Бог, к которому он когда-нибудь да придет».

По материалам книги: Архимандрит Алипий. Человек. Художник. Воин. Игумен / авт.-сост. С. Ямщиков при участии В. Студеникина. М.: Грошев Дизайн, 2004.

Подрыв

Весна в Афганистане наступает в феврале. Вся природа оживает, пробуждается. Может быть, не так ярко, бурно и восторженно, как в России, но так же торжествующе и победоносно. На деревьях рядом со старыми, огрубевшими от ветра и солнца листьями набухают хрупкие морщинистые почки, каменистые пустыни покрываются пышным ковром полевых цветов. Их многоцветье подчеркивается строгими фиолетовыми вкраплениями небольших островков и полей опиумного мака. В воздухе стоит нежный опьяняющий запах цветущих оливковых, апельсиновых и мандариновых деревьев. Слышится жужжание всевозможных насекомых, веселое щебетание птиц. Жизнь утверждает свои права на существование, на продолжение своего эволюционного развития.

В такое время хочется лечь на землю, закрыть глаза, расслабиться, чтобы почувствовать легкое дуновение ветра, шелест трав, потрескивание жестких листьев эвкалипта, ощутить теплоту ласковых лучей ослепительно-белого солнца... но тяжкий воинский долг обязывает делать над собой титанические усилия и забыть про весну и мир... Мотострелковая бригада выдвигалась в район проведения боевых действий. Впереди колонны двигался сильный отряд обеспечения движения с саперными подразделениями. Единственная в горно-пустынной местности дорога, ведущая в район расположения бандгрупп мятежников, была сильно заминирована. В ходе движения подразделения бригады, двигавшиеся по одному маршруту и растянувшиеся на десятки километров, неоднократно подвергались обстрелам со стороны душманов, но бронетехника, поставленная в колонне через каждые пять-семь колесных машин, открывала ответный огонь. Выделенные для охраны мотострелковые и разведывательные подразделения рассредоточивались, завязывая бой с противником. Диверсионные группы моджахедов тут же отступали, уползая в горы тайными змеиными тропами. Во главе основных сил бригады ехал БТР. На нем находился командир бригады, начальник штаба оперативной группы по проведению боевых действий майор Антонов, сидящий над механиком-водителем, и другие офицеры управления соединения. Постоянные нападения на колонну держали всех в высшей степени напряжения. Приходилось не только реагировать на постоянно меняющуюся боевую обстановку, но и самим порой покидать машину и открывать огонь из автоматов по неизвестно откуда появляющимся группам душманов. Вскоре колонна вышла на большое, ровное как стол плато. Местность обзревалась в разные стороны на много километров. Можно было, казалось, немного снять напряжение, но неожиданно водитель командирской машины резко свернул с колеи и вы ехал на обочину дороги. БТР остановился.

– В чем дело? – поинтересовался комбриг. В его голосе зазвучал металл. – Ты почему, солдат, съехал с дороги?

– Не знаю, товарищ полковник, – ответил испуганный боец, и его курносое лицо стало пунцовым. – Мне как будто кто-то приказал: «Съезжай на обочину!»

– Ты что, солдат, пьян? Ты что городишь?! Может быть, оттого, что крест пудовый на себя нацепил? – На самом деле расстегнутый ворот выгоревшей от солнца гимнастерки солдата обнажал висевший на шнурке от ботинок маленький блестящий медный крестик. – Я тебе сейчас покажу!

Комбриг, ругаясь, полез внутрь машины, предварительно махнув рукой водителю следующего за БТРом КамАЗа продолжать движение. Майор Антонов, прокладывая маршрут бригады, просунул голову в люк, чтобы как-то объяснить свирепому комбригу, что солдат съехал с маршрута по причине усталости. Офицеры, пользуясь неожиданной остановкой, встали на броне, чтобы размяться после долгого и утомительного пути. КамАЗ поравнялся с БТРом, и вдруг раздался мощный взрыв. Ударной волной всех находящихся на броне бросило на землю. Осколки переднего моста машины поразили нескольких офицеров: одному выбило глаза, другой получил множественные ранения живота, полковнику из штаба армии оторвало ногу. В развороченной кабине грузовой машины лежали поникшие тела водителя и старшего машины. Крики и стоны наполнили воздух. Удивленный комбриг вылез из люка, вскоре оттуда показалась всклокоченная голова механика-водителя с открытым ртом. С соседних машин подбежали люди. До прихода медиков бригады майору Антонову, чудом не пострадавшему при падении на землю, вместе с другими подоспевшими солдатами и офицерами пришлось оказывать первую медицинскую помощь. Прежде всего, колоть раненым промедол, основное болеуспокаивающее средство. По радио вызвали вертолет для эвакуации раненых и убитых. Через час бригада продолжила движение. Угрюмый комбриг, считавший себя убежденным атеистом, весь оставшийся путь сидел в глубокой задумчивости. По прибытии в район он подошел к механику.

– Спасибо тебе, сынок, я твой должник. Ты нам жизнь спас. Видимо, Господь тебя сохранил, а вместе с тобой и меня. Я представлю тебя к правительственной награде.

Солдат взволнованно слушал проникновенные слова благодарности. Все, кто случайно находился в этот момент рядом с ними, в том числе замполит бригады и майор Антонов, понимали, что означало для сурового, резкого и всегда немногословного комбрига сказать подобные слова простому солдату. Когда он отошел, солдат осторожно взял свой крестик и, не стесняясь присутствия политработника, поцеловал его. Никто не ухмыльнулся, не бросил язвительную реплику, не осудил и не выразил бурных эмоций. Все молча разошлись по своим боевым постам. Солнце опускалось за горизонт. Наступала тревожная ночь. Какой по счету она будет для каждого из солдат и офицеров бригады, никто не знал. Но все верующие и неверующие в тот день поняли Евангельский смысл случившегося: «...бодрствуйте, ибо не знаете, в какой день Господь ваш придет» (Мф. 24, 42).

Источник: Азаров В. Подрыв: [Электронный ресурс] // Победа. Ру. URL: <http://pobeda.ru/podryiv.html>. (Дата обращения 16.05.2019).

«Господь подсказал: убери солдат...»

Икон у нас не было, но у каждого, как я уже сказал, под рубашкой крестик. И у каждого горячая молитва и слезы. И Господь нас спасал в самых страшных ситуациях.

Дважды мне было предсказано, как бы прозвучало в груди: сейчас вот сюда прилетит снаряд, убери солдат, уходи. Так было, когда в 1943 году нас перевели в Сестрорецк, в аккурат на Светлой седмице. Друг другу шепотом «Христос воскрес!» сказали – и начали копать окопы. И мне как бы голос слышится: «Убирай солдат, отбегайте в дом, сейчас сюда снаряд прилетит». Я кричу что есть силы, как сумасшедший, дергаю дядю Костю Вострикова (ему лет сорок, а нам по двадцать было).

– Что ты меня дергаешь? – кричит он.

– Быстро беги отсюда! – говорю. – Сейчас сюда снаряд прилетит...

И мы всем нарядом убежали в дом. Точно, минуты не прошло, как снаряд прилетел, и на том месте, где мы только что были, уже воронка... Потом солдатики приходили ко мне и со слезами благодарили. А благодарить надо не меня – а Господа славить за такие добрые дела. Ведь если бы не эти «подсказки» – и я, и мои друзья давно бы уже были в земле. Мы тогда поняли, что Господь за нас заступается. Сколько раз так спасал Господь от верной гибели! Мы утопали в воде. Горели от бомбы. Два раза машина нас придавливала. Едешь – зима, темная ночь, надо переезжать с выключенными фарами через озеро. А тут снаряд летит! Перевернулись мы. Пушка набок, машина набок, все мы под машиной – не можем вылезти. Но ни один снаряд не разорвался. А когда приехали в Восточную Пруссию, какая же тут страшная была бойня! Сплошной огонь. Летело все – ящики, люди! Вокруг рвутся бомбы. Я упал и вижу: самолет пикирует и бомба летит – прямо на меня. Я только успел перекреститься:

– Папа, мама! Простите меня! Господи, прости меня! Знаю, что сейчас буду как фарш. Не просто труп, а фарш!..

А бомба разорвалась впереди пушки. Я – живой. Мне только камнем по правой ноге как дало – думал: все, ноги больше нет. Глянул – нет, нога целая. А рядом лежит огромный камень. Но все же среди всех этих бед жив остался. Только осколок до сих пор в позвоночнике.

*Источник: Прот. Валентин Бирюков. На земле мы только учимся жить. Непридуман-
ные рассказы. М.: Даниловский благовестник, 2018.*

Сталинградское Евангелие старец пронес через всю жизнь

В начале войны совсем еще молодой человек, хотя и из благочестивой крестьянской семьи, но с двадцати лет росший в семье брата, в среде совершенно атеистической, рядовой Павлов (будущий архимандрит Кирилл) задавался вопросами: «Почему война, почему воюем?» «Много непонятого было, – пишет о том богоборческом времени старец, – потому что сплошной атеизм был в стране, ложь, правды не узнаешь».

И вот в Сталинграде с ним случилось чудо. Вот как это описывает сам отец Кирилл: «После освобождения Сталинграда нашу часть оставили нести караульную службу в городе. Здесь не было ни одного целого дома. Был апрель, уже пригревало солнце. Однажды среди развалин дома я поднял из мусора книгу. Стал читать ее и почувствовал что-то такое родное, милое для души. Это было Евангелие. Я нашел для себя такое сокровище, такое утешение!.. Собрал я все листочки вместе (книга разорвана была), и оставалось то Евангелие со мною все время...» И вдруг все непонятное ушло, все волновавшие вопросы стали отпадать сами собой: «Когда стал читать Евангелие – у меня просто глаза прозрели на все окружающее, на все события... Я шел с Евангелием и не боялся. Никогда. Такое было воодушевление! Просто Господь был со мною рядом, и я ничего не боялся. Дошел до Австрии. Господь помогал и утешал, а после войны привел меня в семинарию – возникло желание учиться чему-то духовному...»

ОТЪ ІОАННА СВЯТОЕ БЛАГОВѢСТВОВАНИЕ.

ГЛАВА I.

ГЛАВА 1.

Въ началѣ бѣ слово, и
слово бѣ къ бгѣ*, и
бгѣ бѣ слово.

Б. Всѣ бѣ иконѣ къ
бгѣ**.

Г. Всѣ тѣмъ быша, и безъ
негѣ ничтоже бысть, еже
бысть.

Д. Въ томъ живѣтъ бѣ,
и живѣтъ бѣ свѣтъ человеѣ
къмъ:

Е. и свѣтъ бо тѣмъ свѣ
титъ, и тѣмъ егѣ не шѣтъ.

В. Имъ человеѣкъ посланъ
ѡ бгѣ, имя емъ іоаннъ.

З. Всѣ прѣиде бо свидѣ
тельство, да свидѣтельствъ
етъ ѡ свѣтѣ, да вси вѣрѣ
имѣтъ емъ***.

Въ началѣ было Слово, и
Слово было у Бога, и
Слово было Богъ.

2. Оно было въ началѣ у
Бога.

3. Все чрезъ Него начало
быть, и безъ Него ни что не
начало быть, что начало быть.

4. Въ Немъ была жизнь, и
жизнь была свѣтъ человеѣ
ковъ;

5. и свѣтъ во тѣмъ свѣтитъ,
и тѣма не объяла его.

6. Былъ человекъ, послан
ный отъ Бога; имя ему Іоаннъ.

7. Онъ пришелъ для сви
дѣтельства, чтобы свидѣтель
ствовать о Свѣтѣ, дабы вси
увѣровали чрезъ него.

* ѡ бгѣ. ** ѡ бгѣ. *** да вси
увѣрѣются чрезъ него.

Так в самых простых, понятных словах рассказывает архимандрит Кирилл о самой сложной в жизни человека дороге – дороге к Богу. Что было у него потом? Учеба в семинарии, монашеский постриг и долгая – длиною в полвека – служба в Православной Церкви.

Архимандрит Кирилл был одним из наиболее известных служителей Русской Церкви, духовником Свято-Троицкой Сергиевой Лавры и духовным наставником множества людей. Казалось бы, позади остался целый ряд ступеней, преодоленных на пути духовного восхождения. Однако на вопрос, что же все-таки было самым важным в его жизни, старец неизменно отвечал: сталинградское Евангелие! Та самая книга, которую он пронес через всю жизнь.

Источник: Чудеса на дорогах войны: Сб. М.: Сибирская Благовонница, 2010.

Случай с неверующим солдатом

Публикация была подготовлена В. П. Быковым. Ему приходилось беседовать в годы войны со многими ранеными в лазаретах, которые в большом количестве были развернуты практически по всей стране: «Дело было в Калужском лазарете, помещающемся в женской гимназии. После беседы моей на слова молитвы Святому Духу: «и жизни Подателю» – один из солдатиков, крестьянин Пензенской губернии И.А. Р-ков, с глазами, полными слез, и с еле сдерживаемым волнением рассказал нам следующее: «Когда я шел по призыву, как ратник первого ополчения, в русскую армию, я ни во что не верил, в самом точном понимании этого слова. Окружавшая меня в годы ранней молодости фабричная среда вырвала все, внедренное в юности детской верой, из моего сознания. И так вырвала, что, кажется, никакие силы не могли вернуть меня не только к вере моих детских лет, а даже к вере взрослых людей моей семьи, моей деревни. <...> Теперь я знал только лишь одно, что и сама наша вера, и религия, и церковь, и молитва, и святыня – все это не что иное, как один сплошной вымысел. . . С этим взглядом я и приехал домой перед призывом, чтобы проститься с семьей. Особенно тяжело было мне и обидно, повторяю «обидно», когда горячо любящая меня старушка мать последний раз осенила меня крестным знамением. С глазами, полными слез, вдруг расстегнула она обеими руками ворот своего платья, вынула на толстом гайтане старинный медный, позеленевший от времени, большой, вершка в два с половиной длиной и вершка полтора шириной, крест. На одной стороне креста было помещено выпуклое изображение распятого Спасителя, а на другой тоже выпуклое изображение Пречистой Богоматери «Всех Скорбящих Радость». И мать надела его мне на шею. <...> Я ясно почувствовал, что на мою шею надели что-то нехорошее, ненужное, неприятное для меня, а на грудь как будто легла какая-то тяжелая, чугунная плита. Первым моим движением было воспользоваться общей суматохой и снять с себя материнское благословение. Я так и сделал. Сначала шло все благополучно. Дней через пять, когда я услышал около себя первый свист шальных пуль, то увидел, как почти все солдатики нашего окопа бережно повынимали из-за пазухи крестики и образочки – благословение своих родителей. Они стали осенять себя ими, крестились на них, прикладывались к ним. Я, невольно следуя их примеру, вынул из кармана свой крест, с каким-то жутким чувством, нежели с верой, облобызал его и повесил себе на шею. Я ни минуты не думал не только ожидать какого-нибудь чуда от своего креста, а даже порой досадовал на самого себя, что смалодушничал, подчинился какому-то внушению толпы и повесил себе на шею то, что для меня не имело никакой цены. Не раз было порывался снять крест с себя и водворить его на место – в карман, но как-то не хватало духу сделать это на глазах товарищей, да и мешали пули <...> не до того было. Менее чем через два часа от нашего окопа не осталось ничего. Когда я пришел в себя, еще не открывая глаз <...> услышал разговор около себя на польском наречии – я хорошо знаю польский язык: «– Мертвый или жив? – Нет, кажется, дышит. – Ты бы его прикончил и шел дальше. – Я этого сделать не решился, потому что на нем висит крест... христианская душа, значит...» Когда я открыл глаза, то увидел себя лежащим между нескончаемыми рядами трупов, а от меня удалялись два австрийских солдата. . . Я снова впал в глубокий обморок. Второе мое пробуждение было уже на перевязочном пункте. . . Врач говорил: «Ну, дорогой мой, и день, и ночь молись своему кресту, – если бы не он, принявший на себя шальную пулю, быть бы тебе “бычку на веревочке”: пуля бы угодила прямо в сердце». Я вспомнил, как сквозь сон, слышанное мною там, между трупами, и еле-еле проговорил доброму доктору, что этот крест уже второй раз спас меня от надвигавшейся смерти. . . И вот теперь, – заканчивает рассказчик, вынувши из-за пазухи медный, помятый пулею, позеленевший крест, – никто в жизни не вырвет из моего сердца моей глубокой веры в священные изображения, в святой животворящий крест, в родительское благословение».

Источник: Заступничество Богородицы за русских воинов в Великую войну 1914 г. Августовская икона Божией Матери / авт.-сост. А. Фарберов. М.: Ковчег, 2010.

Война и мир «Чукчи-снайпера». Как майор Кравченко стал священнослужителем

– Я родился на Чукотке в семье военного летчика. Отец казак, мама тунгуска. Нас было 7 детей. В 3 года отец посадил меня на коня и подарил «мелкашку» (мелкокалиберную винтовку. – *Ред.*). Это же Чукотка! Там ты мужчина, если ты умеешь что-то делать руками: охотиться, ловить рыбу, готовить еду...

Москва-400

Снайпером я стал не только потому, что стреляю метко. Важнее умение быть незаметным: когда можешь сутки провести затаившись – так, что вокруг тебя листик не шелохнется. На войне я ходил на задание, как грибник. Видал гриб (цель) и срезал. Моей целью были снайперы с той стороны и командный состав противника. Если обнаруживал у «духов» рацию – выводил из строя и рацию, и ее обладателя. Обнаруживал пулемет – уничтожал и оружие, и стрелка, если только это не был ребенок 10–11 лет. На детей рука не поднималась. А «духи» ставили детей за пулемет. Против нас воевало много женщин-снайперов. Однажды мы накрыли их сразу шесть, когда они спали в кунге (военная машина. – *Ред.*)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.